

Ее разбудил гром. Она сбросила одеяло и, спотыкаясь, подошла к окну, выглянула наружу. Молния, но дождя не было: сухая гроза, обычное явление для осени. Юи глубоко вздохнула, когда очередной раскат грома разнесся по дому.

Такие грозы в сухое время года вызывали пожары. Большинство зданий в Чиюку были деревянными. Юи крепко сжала кулаки. Остудяющий жар выжигает из лёгких весь воздух, а следующий глоток был наполнен вонью пепла и едкого дыма, знаменующего, что ей вновь придётся собирать осколки разрушенного дома...

Юи выдохнула, прогоняя из головы назойливый голос сгоревшей клиники и попыталась думать о чем-нибудь другом. Календула помогает от сыпи, лишая и боли в мышцах. Ромашка лечит несварение желудка, колики и кожные воспаления. Она продолжила вспоминать свойства растений, вновь и вновь. Вдалеке сверкнула молния — Юи вздрогнула. Теперь она точно не сможет заснуть... может выпить лавандовый чай?

С мельтешащими в голове мыслями, — которые варьировались от громоотводов до лесных пожаров, — она прошла в главную комнату своего дома. Юи наполнила чайник и зажгла огонь. Эйджи и Сэн спали в другой комнате, но, будучи подростками, их ничто не могло разбудить.

Раздался очередной раскат грома. Юи закрыла глаза, а когда открыла их снова, перед ней стоял Хаширама, замерев на коленях у огня.

— Хаши... — Прошелестел ее голос.

Кровь покрывала его. Она уже немного подсохла, местами превратившись в густую массу, а местами в бордовую корочку, что покрывала его руки, алые доспехи и сапоги. Он был неподвижен. Не было ни суетливых движений, ни блеяний-объяснений, ни болезненных вздохов — только болезненная неподвижность и тишина. Неужели у Хаширамы шок? Юи отбросила все свои эмоции, схватила бинты и горячую воду и бросилась к нему. Когда она протянула руку, чтобы пощупать пульс, он заговорил.

— Она не моя. — Пробормотал он.

— Где болит...

— Кровь не моя, Юи-сан. Я не ранен. — Сказал он и закрыл глаза.

Она остановилась. Юи не хотела знать. Тем не менее, она спросила.

— Что случилось?

— Я убил его. — Каждое слово было произнесено осторожно, ровно, медленно. Выражение его лица не изменилось ни на йоту, оставшись всё таким же пустым и блёклым. Юи оказалась

отчасти права. Хаширама был в шоке, вот только не от потери крови.

— Хаширама. — Сказала Юи твердым, понимающим голосом, которым она говорила с пациентами. Сейчас она ничего не понимала и уж точно не чувствовала в себе уверенности, но, выручила привычка, так что голос не дрогнул. — Тебе нужно привести себя в порядок, хорошо? — Она намочила полотенце в горячей воде и протянула ему. Его глаза затрепетали, он взял мокрую коричневую ткань и устался на неё.

— Это не поможет. — Несмотря на свои слова, Хаширама начал мыть руки, методично оттирая засохшую кровь, застрявшую под ногтями. Полотенце окрасилось в алый цвет еще до того, как он закончил. Юи принесла ему еще одно и пошла проверить чай. Она добавила немного ромашки, еще одну веточку лаванды и ложку листьев черного чая.

Когда руки стали чистыми, Хаширама протер лицо полотенцем, предварительно обмакнув его в воду, а затем приступил к шее. Поколебавшись, он расстегнул испачканные доспехи и отложил их в сторону. Юи принесла ему чашку чая и толстое одеяло. Его ей подарил торговец из Страны Снегов; на одеяле был вышит узор из крошечных деревьев, и оно было мягче и теплее, чем всё, что у нее имелось в доме. Юи обернула его вокруг Хаширамы. Он пробормотал слова благодарности и опустил глаза.

— Я даже не знаю, почему я здесь. Мне жаль.

— Что случилось? — Снова спросила она.

От их чашек поднимался пар. Юи пила свой чай, ожидая. Он склонил голову и не отвечал, пока напиток не остыл.

— Я сопровождал одного знатного вельможу. Давнего союзника нашего клана. Некоторые говорят, что он станет даймё. — По-военному рублённые фразы... Хаширама как будто не рассказывал что произошло, а давал отчёт командиру отряда. — На нас напали. Я среагировал, убил нападавших, и... — Хаширама отставил чашку. — Это был ребенок. Маленький мальчик. Ему было столько же лет, сколько моему младшему брату перед его смертью. — Из рта парня вырвалось нечто, похожее на смех. — Они называют меня Богом Шиноби, Юи. Я могу вздымать из пустой земли леса и уничтожать армии, но я не могу повернуть время вспять и исправить то, что уже совершил.

Огонь тихонько потрескивал.

— Я не бог. Я просто шиноби, еще один наемный убийца. — Он горько вздохнул. — Люди называют нас монстрами. Думаю, они правы.

Юи никогда не задумывалась о своих пациентах, о том, что они делали или кем были. Она просто... лечила их, как и всех остальных, и считала, что остальное её не касается.

Это не меняло того факта, что шиноби были убийцами. Они совершали ужасные поступки, намеренно, беспощадно. Порой творили такое, за что и ввек не вымолить прощения. Они псы войны, и делали они всё это... ради чего? Люди продолжали убивать, люди продолжали умирать, а Юи латала тех, кому повезло не сдохнуть сразу. Лишь для того, чтобы отправить их снова в бой.

И все же — она посмотрела на бледное лицо Хаширамы.

— Ты не чудовище. — Сказала она наконец. — И ты не бог. Ты просто... Хаширама. Ты человек со своими достоинствами и недостатками. Такой же, как и все остальные.

— Но...

— Да, то, что ты делаешь, это неправильно. — Ее признание провело черту между ними, и Хаширама ушёл в себя, свернувшись калачиком на одеяле. Она продолжила, тихо: — Но ты знаешь, что поступаешь неправильно. Это именно то, что отличает тебя от монстра. Ты не принимаешь этого. А раз так, то надежда ещё есть. Ты ведь всё ещё пытаешься всё изменить?

— Ну, да...

— Хорошо. — Сказала она и не позволила ему возразить. — Это всё, на что способен любой человек в этом мире. Пытаться.

Хаширама слышал мантру Юи. Во время всех своих бессонных ночей, когда она вспоминала каждую свою ошибку, каждую неудачу, оплошность, глупость... имена тех, чьи глаза остекленели, чей взгляд, ещё миг назад взирающий на неё с надеждой и болью, застывал, стекленел, и обращался куда-то ей за спину, будто на пришедшую смерть. Она помнила каждую причину смерти каждого умершего, Юи помнила всё, вплоть до мелочей. И потому ей часто приходилось себе напоминать — она не более, чем человек.

— Но я не знаю, смогу ли я на самом деле. — Едва слышно он добавил: — Я не знаю, должен ли я.

— Это не мне решать, Хаширама. У нас слишком разная жизнь, силы и возможности.

Следующие слова он произнес нехотя.

— Что если... что, если я сделаю еще хуже? — Он нахмурился и закрыл глаза, явно прокручивая в голове различные сценарии. Теплый красный свет от огня мерцал на его коже, резко выделяя контуры его лица.

— Всегда есть такая вероятность. Все совершают ошибки, без исключений. С нашей работой это может привести к смертям. Но как ты сможешь жить дальше, уважать себя, если ничего не

сделаешь?

Он размышлял над ее словами, обхватив руками чашку; глаза по-прежнему закрыты.

— Мой отец умирает.

Эта бессмысленная фраза заставила ее на секунду замереть.

— Мне жаль.

Хаширама вздохнул.

— Я так долго ждал этого. Шиноби всю жизнь танцуют со смертью. Она может забрать нас в любой момент, и я всегда был готов к этому. В каком-то смысле мне будет его не хватать, но... — Он посмотрел на нее, слегка выпрямившись, и его голос дрогнул. — Он сильно страдает. Все думали, что он умрет на поле боя, в пылу ярости и славы, но не... не так. Было бы милосерднее отпустить его. Это случится в любой день. — Хаширама прочистил горло. — Если... когда он умрет, я стану главой клана Сенджу.

Она подождала, пока Хаширама придет в себя. Он отпил холодного чая, осушив чашку наполовину, и продолжил.

— Я смогу привнести перемены. Настоящие, долговременные. Мадара уже является лидером Учиха, и я знаю, что он разделял эти идеалы раньше. Мы близки к миру. Я чувствую это. — По мере того, как он говорил, темп нарастал, а голос становился громче. — Мы уже сделали это в меньшем масштабе с твоей клиникой. Люди сомневались, что Сенджу и Учиха смогут договориться о чем-либо, и мы доказали, что они ошибались. Многие сомневались, что это в принципе возможно. Я же никогда не сомневался.

Он сделал глубокий вдох, и бравада вмиг улетучилась.

— Я никогда не сомневался, когда это была всего лишь мечта. Но теперь, когда она стала так близка, когда я её почти можно коснуться рукой, я... — Хаширама замолчал и начал снова. — Клан уже воспринимает меня как фактического главу. Мой брат... они все хотят видеть во мне отца. Настоящим шиноби.

Грянул гром, и стены дома задрожали. Юи добавила еще хворосту к огню. Мир вновь озарился светом — опять молния ударила. Девушка стала считать секунды, прежде чем до них донесётся грохот. Хаширама даже не отреагировал. Тлеющий уголь разгорелся вновь. Юи заставила себя смотреть на языки пламени, стараясь не думать ни о чем, кроме этого момента.

— Я не смогу. — Он выпрямился, как будто с его плеч упал груз. — Я не смогу стать тем шиноби, которого они хотят во мне видеть. Нет. Не так. Я легко смогу им быть. Но я не хочу.

— Тогда не надо.

Улыбка Хаширамы была в высшей мере слабой.

— Ты это так легко говоришь.

Она оторвала взгляд от огня.

— Выбор прост, Хаширама. Всё остальное — сложно. Перемены даются нелегко. Это никогда не бывает легко.

— В этом и вопрос. Стоят ли оно того?

— Мы не знаем, и не можем узнать заранее.

Она спасала жизни — это её несомненное наследие. Но сможет ли она оставить после себя долговременный след, который будет иметь сильное влияние на мир — вопрос открытый. Ее знания могут сгинуть вместе с ней, а надежды умереть и того раньше. Ее усилия могут быть обращены вспять и потеряны во времени из-за глобальных катаклизмов или геополитических событий, как когда-то это произошло с римской империей, или банально проигнорированы и осмеяны. Юи никогда этого не узнает. И он тоже. Они оба сидели в тишине, погружившись в свои мысли мечты, пока огонь не угас во второй раз.

— Спасибо, Юи-сан. — Он встал и натянул доспехи. Она наблюдала за каждым отработанным движением, и эта его легкость напоминала ей о том, насколько разные у них жизни. Он замешкался, прежде чем застегнуть последнюю лямку. — Я... я прошу прощения за то, как вёл себя раньше. Я имею в виду тот день, когда мы в последний раз встретились. Я должен был обуздать эмоции. И ещё я постоянно прихожу без спросу. Прости, что не сказал тебе раньше...

— Хаширама, всё в порядке. — Сказала она, откровенно забавляясь — Тебе не нужно извиняться. Мы ведь друзья, верно?

— Конечно! — Он моргнул и выглядел удивлённым, как будто сам этот вопрос был для него неожиданным. — Но именно поэтому мне и нужно извиниться! Это последний раз, я обещаю. — Хаширама пригнул голову. — Прости, что ворвался без стука.

Юи хихикнула.

— Ты единственный шиноби, который об этом беспокоится.

Его прощальная улыбка была зыбкой, слабой, но настоящей. Хаширама закрыл за собой дверь. Снова загремел гром, а она еще долго сидела и пила чай.

<http://tl.rulate.ru/book/69328/2005833>